

Обсуждение энциклопедического словаря по этике

(Материалы «круглого стола»)

Лекторский В. А. (член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»). Мы собрались, чтобы поговорить о новом издании «Этика: Энциклопедический словарь» (М: Гардарики, 2001). До сих пор в нашей философии такого издания не было. Издавались этические словари, но они совсем не были похожи на то, что мы имеем сейчас. Это обсуждение организовано журналом «Вопросы философии». Мы считаем, что обычная рецензия не достаточна для осмысления подобного издания. Поэтому мы собрали группу людей, которые не просто знают этические проблемы, но являются известными специалистами в разных областях философии. И можно ожидать, что у каждого выступающего будет свой способ оценки того, что здесь опубликовано. Я думаю, что имеет смысл поговорить и о словаре в целом, и об отдельных статьях, которые показались наиболее интересными, и, может быть, сказать также о перспективах исследования этих проблем.

Гусейнов А. А. (член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН). Замысел словаря не был инициирован какими-то бюрократическими или иными внешними соображениями. Это было свободное, вольное решение нас самих, Рубена Грантовича Апресяна и мое, и когда мы задумывали это издание еще в 1994 г., то перед нами стояли определенные задачи, которые, в общем-то, мы имели в виду на всех этапах работы.

Первое – попытаться подвести итог развития отечественной этики за последние сорок лет, начиная с конца 50-х годов, когда у нас начался новый этап развития этического знания в стране, сделать это в раскованной форме, – без сковывающих идеологических рамок. Подвести итог таким образом, чтобы попытаться этот этап развития этики вписать в более широкую панораму истории отечественной этики (для чего к этому времени были уже достаточные предпосылки, потому что мы познакомились с запретной ранее русской религиозной философией) и вписать в мировой контекст. Но как вписать в мировой контекст? Мы пошли по такому пути: проанализировали все доступные нам словари по этике – немецкий, английский двухтомный, французский, польский, итальянский. Нас ждало поразительное, просто невероятное открытие. Оно состояло в том, что совпадение слов (терминов) в этих словарях было минимальным, менее 10 процентов. Этика оказалась более контекстуальной, более органично вписанной в культурно-исторические традиции народов, чем мы могли думать. Мы увидели, что этика в том виде, в каком она развивалась и развивается у нас, в частности, представлена в «Словаре по этике» (издавался Политиздатом с 1965 г., первые пять изданий под ред. О. Г. Дробницкого и И. С. Кона, последнее шестое в 1989 г. – под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона) имеет, я бы сказал, более универсальный и академический вид, чем в других странах. Это нас вдохновило.

- 3 -

Одновременно с подведением итогов мы хотели обозначить в словаре и какие-то новые темы, новые возможности, перспективы, которые открылись перед этикой. Все-таки как-никак ко времени, когда мы начинали, уже прошло почти семь-восемь лет свободной, очень увлеченной и интенсивной философско-академической и философско-публицистической работы.

И еще одна была немаловажная задача, которая, может быть, более чем другие, требовала жанра словаря. Нам нужно было все-таки, поскольку мы чувствовали свою ответственность за этическое сообщество, собрать этические силы, которые начинали

разбредаться, вселить веру в тех, кто оставался в процессе активности. Кроме того, предстояло преодолеть изоляцию этического сообщества от других смежных философских областей, а в известном смысле и определенный «провинциализм» этики в рамках философии. Это была политика, которую мы начали до этого Словаря, а сами Словарем активно продолжили: она состояла в том, чтобы в максимально возможной степени привлечь в этику и для этики то, что было накоплено в других областях философского знания, освоить имеющиеся в них положительные знания о морали. И для этого всего Словарь по этике подходил идеально.

Для того чтобы не облегчать себе задачу, а, напротив, ее усложнить, мы приняли решение ограничиться терминами и исключить имена. За счет персоналий можно было бы легко набрать объем и посчитать задачу решенной. Нам важно было обозначить собственное содержание этики, ее понятия, а также произведения, школы, которые составляют ее биографию.

Вот такой был замысел. Я не знаю, какую оценку получит сейчас этот словарь, какое место он займет в истории нашей этики, но мне кажется, мы смогли создать продукт, который позволяет отнестись к этике в ее сегодняшнем состоянии. Через это произведение можно увидеть, что в ней есть сильного, что есть слабого. И, если кто хочет высказаться об этике, он теперь может сделать это предметно. А если бы не было этого словаря, как можно было бы оценить современное состояние нашей этики? Какая книга? Какого автора? Какой учебник? Все было бы не полно. А создав «Словарь», мы открылись, подставились. Теперь, пожалуйста, тот, кто хочет нас хвалить, может хвалить, тот, кто хочет ругать, может ругать. В любом случае, я думаю, для развития этики это будет полезно. Когда мы начинали работу, мы, конечно, не могли предполагать, что наш первый, центральный, всеми уважаемый журнал «Вопросы философии» уделит нашему делу такое внимание, соберет «круглый стол», куда пригласит таких первоклассных специалистов. Уже одно это, независимо от того, что и как они скажут, мы можем считать своей маленькой победой.

Митрохин Л. Н. (академик РАН, зав. отделом Института философии РАН). Вы героически подставились, убрав персоналии, могли бы сделать книгу и за счет них... Но ведь что-то вы, наверно, и потеряли. Исчезли некоторые концепции, исчезла проблематика многих положений... Взять, к примеру, того же Флоренского: разве можно изложить его взгляды в двух словах?..

Гусейнов А. А. Вообще, есть разные традиции словарей. Например, немцы, как правило, разделяют терминологические словари и биографические словари. И знаменитый словарь Айслера – терминологический. И новый, еще не заверченный исторический словарь философии («Historisches Wörterbuch für Philosophie»), десять томов которого наш Институт только что получил в дар от немецких коллег, представляющий собой новую версию Айслера, тоже является терминологическим. Путь, которым мы пошли, является опробованным. И, тем не менее, конечно, мы что-то потеряли. Когда, например, нет статей об Аристотеле или о Канте – о людях, которые своим творчеством обозначили целые эпохи истории этики, то это, несомненно, потеря, и такая потеря, которую не компенсируешь через термины, даже через такие ключевые, как «добродетель» и «категорический императив» – этого не восстановишь. Да, потеряли. Но ведь, Лев Николаевич, в жизни всегда так: что-то находишь, а что-то теряешь. Остается только надеяться, что потеряли меньше, чем приобрели.

- 4 -

Лекторский В. А. Потеряли меньше, чем может показаться. Если это касается того же Канта, то персонально о Канте статьи нет. Но зато есть статьи по всем основным произведениям Канта, посвященным этике, практической философии, и они в полной мере представляют его этическую концепцию. И таким же образом изложены все основные концепции этики в истории философии.

Гусейнов А. А. Персоналий нет, но есть школы, есть направления.

Апресян Р. Г. (доктор философских наук, зав. сектором этики Института философии РАН). В продолжение того, что сказал Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, я хотел бы сделать пару замечаний по той работе, которая привела к появлению обсуждаемого здесь издания. А. А. Гусейнов совершенно точно обрисовал диспозицию этого проекта, как она

виделась семь-восемь лет назад, и он знает это лучше всех, потому что и сама идея, и формат этого Словаря были предложены им. Принимая во внимание имеющийся результат, можно с уверенностью сказать, что в начале работы рамки Словаря, его объем и характер представлялись нам весьма туманно. Тем не менее, Словарь и подготовительное исследование к нему (исследовательский проект по подготовке словаря в течение трех лет поддерживался РГНФ) были задуманы как систематизация этического знания. Понятно, что сам по себе жанр этого издания и разросшийся более чем в два раза по сравнению с начальным замыслом объем позволили достичь такого уровня полноты, который трудно ожидать даже от самой глубокой монографии или самого продвинутого учебника. Однако в полной мере замысел систематизации нам реализовать не удалось. Тем не менее, Словарь, хотя и не систематичен в концептуальном смысле, но, безусловно, представителен: он в общем отражает сегодняшнее положение дел в этике и вокруг нее. Конечно, далеко не все в Словаре вызывает удовлетворение, в том числе в статьях, написанных мной. Но дело не в этом. Словарь более или менее адекватно отражает то, что представляет собой сегодня этика, или моральная философия в нашей стране. Можно даже сказать, что это «опережающее отражение»: многие базовые статьи, да и целые разделы (если взять блоки статей по восточным философским традициям) разрабатывались специально для Словаря. И все же с сожалением приходится констатировать, что в Словаре нет отдельных статей, посвященных интересным для такого издания понятиям и проблемам лишь потому, что мы не сумели найти для решения этих задач достойных авторов, или несомненно достойные авторы, к которым мы обращались, не посчитали себя по тем или иным причинам готовыми написать статьи на предложенные темы. В отдельных случаях, как это бывает, мы вынуждены были не публиковать предложенные нам статьи вовсе, чем публиковать их в том виде, в каком они были. Заслуживает внимания интересное совпадение: практически одновременно с нашим Словарем вышло второе издание известной двухтомной «Энциклопедии по этике» (под ред. L.C. Becker и Ch. B. Becher. New York; London: Routledge, 2001). Она еще до нас не дошла. Будет интересно сопоставить, что произошло в той Энциклопедии от первого издания ко второму с тем, что сделали мы.

Кобзев А. И. (доктор философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН). Не кажется ли вам, что, убрав персоналии, вы потеряли право на определение «энциклопедический»? Я говорю, кстати, не в качестве критики, а в смысле уточнения. И в этой связи второе: а почему вы не объяснили свою позицию в какой-то вводной статье? Мне кажется, там этого не хватает. Можно делать и так, хозяин – барин. Но какое-то объяснение должно быть. И в этом смысле: а что такое энциклопедический словарь? Чем он отличается от просто словаря, чем – от энциклопедии?

Гусейнов А. А. У нас есть лингвистический университет или, допустим, университет полиграфии. Сие название есть противоречие. В начале 90-х годов я поехал в свою деревню и по пути увидел малосенькую продовольственную лавочку, на которой было написано «Супермаркет». Я думаю, что наш случай – не такой вопиющий. Наш словарь можно было бы лучше назвать академическим, а не энциклопедическим, имея

- 5 -

в виду основательность. Но ведь и слова «энциклопедия», «энциклопедический» в живом языке имеют тот же оттенок ответственности.

Лекторский В. А. А я, собственно, не понимаю, в чем здесь особая необходимость персональных имен? Что вы в статье «Кант» писали бы такого, чего не было бы в статьях предметных? Вы писали бы об этической концепции Канта, как он освещает именно этику. Так там же все это есть. И называется «Критика практического разума». В этой, как и в других статьях, посвященных этическим работам Канта, излагается его этическая концепция. А что еще нужно?..

Огурцов А. П. (доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН). Единственный смысл такого присутствия персоналий – это обозначение самоидентификации некоторого этического сообщества. Но в данном Словаре эта задача решена с помощью подробного именованного указателя. И составители выбрали в этом смысле верный подход к организации Словаря.

Гусейнов А. А. При подготовке новой философской энциклопедии мы выделили

раздел – философия культуры. Потом оказалось, что нет терминов, специфичных для этой области. «Культура и цивилизация», «Диалог культур» и т.п., а где же собственное содержание этой области знания?! Мы хотели взглянуть на этику с точки зрения ее собственного (специфичного) содержания, чтобы сделать акцент на терминах, которые обязательно должны быть в словаре «Этика», и особенно на тех, которые только там и могут быть. Возьмите наш прежний словарь по этике. Он сам по себе хороший и сыграл очень важную позитивную роль в развитии науки, но там же едва ли не две трети объема – это имена. Что касается предисловия, то мы исходили из того, что есть единственный жанр, который не требует предисловия – энциклопедия, словарь.

Митрохин Л. Н. Уверен, что выпуск обсуждаемого нами словаря – событие в культуре, значение которого далеко выходит за рамки философской жизни. Вспомним, как формировалась советская философия. Поощрялась разработка теории познания и истории философии (правда, как истории материализма и непременно «с разоблачением» идеалистических учений). Совсем карикатурно это выглядело в случае современной западной философии, когда желторотым студентам вменялось в обязанность поучать безнадежно тупых и ограниченных Сартров, карнапов и прочих хайдеггеров. Безнадежно обстояло дело с философией религии, которая была подменена «воинствующим атеизмом», обреченным на примитивизм. Напомню, что большевики планировали к 1936 г. ликвидировать все церкви, молитвенные дома и священнослужителей, а к 1937 г. – изгнать религию «из самых укромных уголков». Мрачным рецидивом сталинизма стала масштабная антирелигиозная кампания, развязанная Хрущевым. Так что «воинствующий атеизм» формировался не как научная исследовательская дисциплина, а как инструмент «теоретического» оправдания практики насильственного изживания веры в Бога, в конечном счете, верующих.

Аналогично дело обстояло и в этике. Конечно, Сталин был не первым тираном, вознамерившимся освободить людей от «химеры совести» и превратить их в послушные «винтики», но его человековедческий эксперимент не имел прецедентов по размаху и жестокости – счет велся на миллионы. Ужасает и тотальность контроля – реестр «вражеских» проявлений распространялся на самые сокровенные, политически невинные симпатии и чувства, на вековые традиции естественных человеческих отношений. Феномен Павлика Морозова – не случайность и злонамеренный перегиб. Это нормальное и социологически закономерное явление «свинцового времени».

Одним словом, этике была навязана незавидная роль – одобрять от имени науки любые акции по выведению *homo soveticus*. Я помню душевные страдания «главного этика» А. Ф. Шишкина, глубоко порядочного, эрудированного специалиста. Полная драматизма личная судьба убедила его в беззащитности перед произволом властей. Отсюда учебник «Основы марксистской этики», о научных достоинствах которого говорить как-то неудобно. Высокий профессионализм в анализе морального сознания демонстрировал О. Г. Дробницкий, работавший в моем секторе. Но я помню, каким

- 6 -

яростным нападкам и шельмованию он подвергся при защите докторской диссертации со стороны казенных этиков, в первую очередь, за идею о бессубъектности моральных норм. Таким «субъектом» надлежало признавать лишь Политбюро.

От подобной установки веет апокалиптикой масштаба отдельно взятой страны. Мораль – единственный регулятор жизни, носящий универсальный характер, охватывающий все сферы деятельности человека, и без него любые правовые регламентации, милиция, суды, народные дружины, любые формы контроля и наказания не могут обеспечить социально целесообразного, «цивилизованного» поведения широких масс. Если общество не регулируется нравственным сознанием самих граждан, оно неизбежно превращается в механический агрегат, лишенный витальной, самоорганизующейся силы, в скопище озлобленных тварей.

Разумеется, за минувшее десятилетие положение радикально изменилось и можно назвать немало действительно профессиональных публикаций – уверен, вы их знаете лучше меня. Но создание первого фундаментального энциклопедического словаря – это уже иной уровень, где многое нужно было создавать заново, заполняя обширные лакуны и решительно пресекая эрзацы и имитации творческого подхода, ввевшиеся в нас, как

нитраты в «совсем» свежие овощи. И уж едва ли нужно доказывать исключительную злободневность этой задачи сегодня, если мы не хотим, чтобы наше каждодневное общежитие все больше смахивало на компании «братков», привольно чувствующих себя по всей социальной «вертикали».

Таков критерий, масштаб ожиданий и возможных претензий, которые – вольно или невольно – мы вправе предъявить к инициаторам этого вполне амбициозного проекта. На мой взгляд, с этой задачей они в целом справились успешно.

Можно спорить, разумно ли поступили составители, исключив персоналии. Мне это представляется достаточно оправданным, тем более, что наиболее значительные произведения по этике (свыше 100!) представлены самостоятельно. Среди них и монографии таких разных, но талантливых отечественных специалистов как О. Г. Дробницкий и Я. А. Мильнер-Иринин.

Однако и без персоналий объем словаря громаден (более 70 п.л. и 450 статей), в нем множество глубоко значимых терминов, ранее в наших словарях отсутствовавших. Помимо них много слов из обыденного, повседневного языка («гнев», «жадность», «лень», «стыд», «любовь» и т.п.). Само по себе это объяснимо. Но, все же, возникало опасение, будет ли выявлено их значение как неотъемлемого инструментария философской дисциплины, выходящего за рамки привычного житейского обихода, иначе говоря, не получится ли нечто подобное частному толковому словарю русского языка.

Страхи напрасны; казалось бы, сугубо обыденные слова предстают как понятия, концепты, сыгравшие громадную роль в становлении этического знания. Причем, статьи в своем большинстве, действительно, энциклопедические: их содержание разворачивается в контексте осмысления ключевых проблем этики, в различных интерпретациях и содержательной преемственности, начиная со времен античности. Заслуга составителей и в том, что около трети из них представляют восточные этические традиции.

Бросается в глаза еще одно неоспоримое достоинство «Этики». При солидном объеме она воспринимается как хорошо организованное, крепко сбитое, содержательно и стилистически цельное издание. В первую очередь это обеспечивается тем, что ключевые статьи написаны самими редакторами: «*Этика*», «*Долг*», «*Насилие*», «*Добродетель*», «*Марксизм*» (А. А. Гусейнов); «*Мораль*», «*Идеал*», «*Любовь*», «*Добро*», «*Эгоизм*» и др. (Р. Г. Апресян). Вместе со статьями других видных специалистов (В. К. Шохина, А. П. Скрыпника, Г. А. Ткаченко, В. Н. Назарова, А. В. Смирнова, А. К. Судакова – всех не перечислишь) они образуют прочные несущие конструкции, на которых держится основной массив информации, задавая принципиальные подходы, придающие книге содержательную цельность. Впрочем, это не исключило различные интерпретации и акценты в материалах других авторов.

- 7 -

Естественно, не могу не коснуться темы «мораль и религия». Она всегда была одной из острых в истории культуры, а сегодня заслуживает особого внимания. Собственно, так называемое «религиозное возрождение России», возникшее как решительное осуждение прежних преследований духовенства и верующих, включало в себя отказ от этических предписаний партии как компонентов атеистического сознания.

Общее впечатление: тема «мораль и религия» представлена достаточно обстоятельно и включает основные понятия и проблемы, так или иначе с ней связанные (плюс целый ряд статей о произведениях крупнейших философов религии и теологов). Мне, однако, довелось самому заниматься этой темой, и, может быть поэтому создано впечатление, что жанр энциклопедии позволял расширить круг теоретических проблем, относящихся к этой проблематике: как исторически формировались связи религии и морали, проблема «свидетеля», специфика «самозаточивающегося» христианского идеала (по мере приближения к Христу аскет все яснее осознает его недостижимость в этом мире и др.). Разумеется, я имею в виду не специфически религиоведческую проблематику, а то морально-этическое измерение, которое ясно прослеживается в этих темах.

Мне показалось также, что авторы излишне увлекаются общим понятием «религия» и вокруг него выстраивают те или иные характеристики, касающиеся морального сознания. Разумеется, немало ссылок и на конкретные исторические религии, но порой специфика

их моральных программ выявлена недостаточно четко. В качестве примера сошлось на такие важнейшие понятия как «грех», «свобода христианина», на проблему связи религии с политикой, которые если не прямо, то косвенно находились в центре богословских баталий XX века. В результате разграничительные линии между этическими программами католицизма, православия и, особенно, протестантизма, представленного сегодня многими, часто парадоксальными доктринами (Тиллих, Бонхеффер и др.), порой оказываются смытыми.

Можно высказать еще одно общее замечание, относящееся к ряду статей на эту тему.

Я убежден, что «Этика», содержащая массу новых сведений и нетривиальных интерпретаций, станет настольной книгой для профессиональных философов, обществоведов и преподавателей. Что же касается «широкого круга читателей», упомянутых в аннотации, то с этим дело обстоит сложнее. Проблема не только в том, что некоторые статьи написаны языком, с трудом доступным неспециалисту. Просто не всегда учитываются конкретные вопросы, которые этого широкого читателя прежде всего волнуют. Приведу конкретный пример.

Для теологов, все-таки смущенных неприятными казусами с Коперником и Галилеем, именно мораль сегодня играет роль наиболее надежного бастиона религии. Недавно о нем счел необходимым еще раз напомнить протоиерей Владимир Воробьев: «Оторвать историю науки от церкви невозможно. Но есть еще один аспект, где такой отрыв имеет совершенно трагическое значение, это этика, наука о нравственности. Мораль, нравственность без религиозного обоснования просто не существует. Потому что в основе этики лежат понятия добра и зла. И они должны иметь абсолютное значение. Иначе их просто нет» («Известия», 1 марта 2002 г.). Предельно популярен этот аргумент и среди верующих. Вспоминаю слова пожилой, много претерпевшей баптистки: «Разве у безбожников может быть настоящая мораль: у вас все, что нравится, то и нравственно. А мы, христиане, по Богу живем».

Едва ли с этим согласятся люди, скептически или нейтрально относящиеся к религии, а они, как показывают социологические опросы, составляют едва ли не большинство населения. Еще тревожнее эта проблема оборачивается для миллионов тружеников старшего поколения: «Не зря ли прожита жизнь, без остатка отданная идеалам построения безрелигиозного коммунистического общества?» Иными словами, вопрос ясен: может ли существовать мораль на безрелигиозной основе?

Но я хочу его заострить и нарочито наивно спрашиваю: а что возникло раньше, мораль или религия. С одной стороны, это серьезная научная проблема происхож-

- 8 -

дения морали, а с другой (для тех, кто помнит историю советской этики) – вопрос не просто каверзный, но предельно принципиальный, идеологический. Противопоставление нравственности и веры в Бога всегда было заветной целью большевистского безбожия. Но как это сделать? Ответ, кажется, однозначен: доказать либо аморальность религиозного учения, либо безрелигиозность морали. В первом случае охотно приводились факты безнравственных деяний священнослужителей, (Ватикан как «священный вертеп», освящения церковью разбойничьих войн, бесчеловечность инквизиции и т.д.). А как быть со вторым? Тоже ясно: доказать, что простейшие нормы нравственности созданы трудящимися, а религия лишь присвоила и извратила их.

Но присвоить можно лишь то, что уже существовало. Отсюда концепция некоей «безрелигиозной эпохи». Совсем по Дж. Оруэллу: «Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». И это не академические мелочи, а оплот боевого атеизма. В официальном «Антирелигиозном учебнике», подготовленном под бдительным присмотром Политбюро (1940) сказано: «В древнейший период люди не знали религии. Сотни тысяч лет (то есть, начиная с древнего палеолита – Л. М.) прошло со времени очеловечивания обезьяны до появления религии» (С. 214). Буквально то же самое, естественно, утверждает и «Большая Советская энциклопедия» (М., 1955. Т. 36. С. 335).

Я бы мог сослаться и на другие, порой комические, попытки доказать существование пресловутой «безрелигиозной эпохи», тесно связанные с проблемой возникновения морали. Сравни, например, статью «Мораль» М. Морозова в прежней «Философской энциклопедии», где она определяется как «древнейшая форма общественного сознания»,

которая «зародилась в первобытном обществе» и статью О. Г. Дробницкого «Этика», в которой сказано: «Мораль выделяется из первоначально нерасчлененной совокупности других форм общественной регуляции (см. обычай, ритуал) в эпоху разложения общинно-родового строя и возникновения классов...» (Философская энциклопедия. М. 1970. Т. 5. С. 585).

Прав, конечно, О. Г. Дробницкий: дело было не в «первобытном равенстве» или «коллективизме», а, напротив, в факте их разложения, в появлении отдельных людей, «особых индивидов» (Маркс). – Короче говоря, личностей, отличающихся от других особей по своему положению и общественным функциям, когда прежние, «внешние», принудительные, пригодные на все случаи жизни предписания должны были быть дополнены иными нормами – апеллирующими к сознанию, к особому жизненному опыту, интуиции – к тому, что впоследствии образует «совесть». – Нормами, сформулированными в общей форме и предполагающими, что индивид в конкретных ситуациях принимает собственные решения. Все эти процессы, в конце концов, и привели к появлению морали как специфической формы мотивации сознательной деятельности и самостоятельной формы сознания.

Авторы данного словаря знают и приводят различные учения относительно происхождения морали и ее взаимоотношений с нравственностью, но о концепции «безрелигиозной эпохи» не упоминают. Не выявляют они проблему возможности безрелигиозной морали и в статьях, излагающих проблемы духовности, совести, долга и т.п., хотя, разумеется, точки зрения атеистов в них упоминаются. Конечно, энциклопедический словарь не обязан откликаться на все конъюнктурные интеллектуальные поветрия. Но в данном случае это не мода, а реальная проблема, которая остро обсуждалась поколениями философов – например в известной радиополемике Б. Рассела и Фр. Коплстона. Конечно, речь идет не о том, чтобы агитировать за атеизм или, напротив, за веру в Бога. Просто желательно жестче ставить вопрос о мере научной обоснованности той или иной доктрины или, по меньшей мере, учитывать те ассоциации и проблемы, которые возникают у современного читателя.

С этим связано и другое мое замечание. Большинство статей на эту тему написаны со знанием дела, в строгой академической традиции: имена, различные точки зрения. Но нередко они сугубо описательны и недостаточно соотносятся с современными

- 9 -

проблемами. Имеется серьезная статья о пелагианстве, которая завершается кратким упоминанием о полемике Эразма и Лютера. Но именно эта полемика (она в превращенной форме ставила глубокие социальные проблемы) отразила новый этап в развитии христианства и позже неоднократно воспроизводилась в самых острых и исторически значимых формах (например в конфронтации «социального евангелизма» и Рейнхольда Нибура).

У меня немало замечаний и по отдельным статьям. Я не совсем согласен, например, с оценкой сект, которые, особенно в русском варианте (молокане, духоборы, толстовцы, субботники) создали моральные системы, отличающиеся четким гуманистическим пафосом. Стоило бы больше места уделить протестантской (прежде всего, Лютеровой) концепции «свободы христианина», более детально рассмотреть зависимость моральных религиозных систем от понимания феномена «греха». Я бы четче проводил различие между клириками и мирянами при объяснении различных версий религиозной морали и этики, равно как и между конкретными историческими религиями на уровне мирян и теологическими доктринами на уровне клириков.

Некоторые соображения относительно статей об отдельных произведениях. Мне показалось странным отсутствие статьи о работе И. Канта «Религия в пределах только разума» с ее четко выраженной этической проблематикой; стоило бы дать статьи о блистательных книгах Рейнхольда Нибура «Моральный человек и аморальное общество», Пауля Тиллиха «Природа и судьба человека», «Мужество быть» и некоторых других крупнейших теологов XX века (например, У. Раушенбуша, Д. Бонхеффера). То же самое о книгах Мартина Л. Кинга «Способность любить» и «Рупор совести». Все они связаны с крупнейшими религиозно-общественными движениями XX века, а потому поныне сохраняют свою актуальность.

Конечно, многие мои замечания субъективны и вызваны естественными для специалистов различиями в подходах и интерпретациях. Но все же, полагаю, за ними скрывается более серьезная вещь: при всей очевидной злободневности тема «мораль и религия» остается не вполне освоенной теоретически, что придется учитывать при подготовке второго издания, необходимость в котором для меня бесспорна. Впрочем, все эти соображения не должны затенить главное: составителям и авторам «Этики» удалось показать, что мораль – фундаментальная форма духовной деятельности, ее развитие и осмысление – объективная потребность, непереносимое условие общественного прогресса, что поколения выдающихся умов бились над ее проблемами, а многие из них не решены до сих пор.

И последнее. Самое пугающее в нынешнем российском общежитии – ускоряющийся распад морального сознания, нравственное одичание. А поэтому я всемерно постарался бы донести до сознания высоких властей профессионально трезвое понимание роли морали в создании «цивилизованного» общества и, следовательно, реалистических путей ее реанимации. Это не просто академическая, но насущная практическая потребность.

Давыдов Ю. Н. (доктор философских наук, зав. сектором истории социологии и общей социологии Института социологии РАН). Если бы предлагаемый текст моего выступления представлял собой отдельную статью, я предпослал бы ему эпиграф, заимствованный из неоднократно цитируемого стихотворения Тютчева: «О, бурь уснувших не буди – Под ними хаос шевелится», смысл которого прояснится (если прояснится вообще, а не уйдет в темноту того же изначального «хаоса») лишь к концу нашего разговора. Не знаю, как для других, кому Словарь уже попался в руки, но для меня его чтение оказалось столь же поучительным, сколь и увлекательным занятием. Он не только снабжает читателя новой информацией, как это ему и положено, но, – чем, к сожалению, большинство аналогичных нынешних изданий вовсе не отличается, – подводит к гораздо более серьезным нравственно-философским размышлениям, ставящим под вопрос многие из наших ходячих оценок и догм.

Среди них обращает на себя внимание весьма скептическая оценка роли, места и дальнейших перспектив этики вообще, унаследованная нынешним философским

- 10 -

сознанием от времен тотального идеологического господства марксистско- ленинской догматики. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но именно сегодня, – после более чем двух десятилетий сперва постперестроечного, а затем пореформенного «раскрепощения умов», – упомянутая догматика явно обретает у нас «второе дыхание» в подтексте гиперрелятивистской агрессии постмодернизма. А российская традиционная этика, разбитые осколки которой каким-то чудом сохранились в нашем нравственном сознании, если и не отвергается им впрямую, то подвергается убийственной психоаналитической, а то и просто вульгарно-сексологической «редукции». «Практический разум», в кантовском его понимании, третируемый как бесполезный «реликт» немецкого идеализма, решительно оттесняется на «второй план», сдавая оставленные позиции «теоретическому». Тогда как последний, взятый в качестве абстрактной противоположности практическому, явно утрачивает свою прежнюю содержательность, вырождаясь в математизированную логику. Так что от этого рокового раскола терпит ущерб не только один лишь практический, но также и теоретический разум. Отсюда и новый смысл, какой приобретает сегодня очевидная необходимость защиты этики от релятивистского натиска постмодернизма, предполагающая откровенный и, главное, квалифицированный разговор о ее мировоззренческом содержании и месте среди философских дисциплин.

Такова, по-моему, «сверхзадача» нашего сегодняшнего разговора об этической энциклопедии, которым, надеюсь, не закончится обсуждение общеполитических проблем морали и нравственности, давно уже ожидавших своего часа. Ведь эта энциклопедия, согласно моему общему впечатлению, не просто пробуждает явно угасавший интерес к философской и (не побоюсь этого слова, табуированного постмодернизмом так же, как в свое время марксизмом) метафизической родословной самой этики, оттесненной – в который уж раз! – на периферию научно-теоретического сознания. При ее внимательном чтении мало-помалу раскрывается неслучайная связь этики (каковая в обыденном

сознании фигурирует сегодня в крайне узком, чуть ли не техническом, смысле этого слова, исподволь побуждающем сближать его со словом «этикет»), и Большой Философии в ее классическом понимании. Связь, от расширения и углубления которой зависит будущее не только первой, но – в значительной мере – и второй, явно терпящей сегодня серьезный ущерб от ее усугубляющейся формализации.

Однако, если даже отвлечься от сакраментального «по ком звонит колокол?» – вопроса, без которого не обходится сегодня ни один серьезный разговор о перспективах развития тех или иных «частных» философских дисциплин, нельзя не заметить, что и в нашем «партикулярном» обсуждении этического Словаря вряд ли удастся обойти эту траурную тему. Ведь и здесь так или иначе придется затронуть болезненный вопрос о месте этики в контексте современного общефилософского знания. Для нас же, как мне кажется, он тем более остр и своевремен, что, вопреки всем сокрушительным постмодернистским новациям (кстати сказать, сильно отдающим нафталином), побуждает сегодня вносить существенные коррективы в ходячие представления об иерархии философских дисциплин (да и социально-гуманитарного знания вообще). И прежде всего потому, что они до сих пор несут на себе каинову печать ленинского табу: «ни грана этики», в соответствии с каковым ей неизменно отводилось – и, к сожалению, отводится до сих пор – последнее место в структуре гуманитарного знания. И то, что обсуждаемый нами Словарь своим содержанием, отбором материала и способом его организации вновь фактически ставит под вопрос эту безнадежно устарелую «табель о рангах», нельзя не отнести к числу принципиально важных достижений его составителей.

Впрочем, достоинство обсуждаемого энциклопедического Словаря определяется не только этой ненавязчивой интенцией, каковую, убежден, ощутит каждый внимательный читатель. Не менее важна концептуальная целостность Словаря, каковая обеспечивается (как это часто бывает) не двумя- тремя «отписочными» текстами, но целым рядом принципиально важных статей, написанных его редакторами –

- 11 -

Р. Г. Апресяном и А. А. Гусейновым. Эти два цикла их статей, «опоясывающих» (каждый из них на свой особый манер) по необходимости пестрый, разноречивый и разнохарактерный энциклопедический материал, сообщают Словарю внутреннюю целостность, о какой применительно к аналогичным изданиям мы, читатели, что называется, «и думать забыли», а потому давно уже не предъявляем к ним подобных требований.

Причем целостность эта имеет строго философский характер, а не «общегуманитарный» в размытом смысле этого слова. И уже одно то, что обсуждаемый здесь Словарь напоминает нам о законности мировоззренческих, более того – метафизических притязаний этики именно сегодня, во времена общекультурной девальвации, идущей рука об руку с дискредитацией «простейших» (а, по сути, дела, основополагающих) нравственных понятий, – безусловное достижение составителей обсуждаемого Словаря.

Но, кроме всего прочего, его упомянутая общемировоззренческая целостность, оказывается принципиально важной именно для этической энциклопедии, адресованной сегодняшнему читателю, сбитому с толку «сексуально озабоченной» публицистикой, выдаваемой за «научно продвинутое» толкование морали. Ибо сегодня, в смутное время журналистского «облегчения» фундаментальных нравственных понятий и участвовавших попыток так называемых сексопатологов лишить нравственное сознание нашей общественности его мировоззренческого – да и вообще духовного – смысла, низведя на обывательский уровень адюльтерно-«сексологической» технологии, оно, это сознание, как никогда ранее, нуждается в метафизически углубленном просвещении. Началом которого должно стать, кроме всего прочего, и прояснение подлинно философской родословной самой этики.

Этой задаче и отвечают упомянутые статьи двух главных редакторов этического Словаря, одинаково задающих, кстати сказать, достаточно высокую планку, столь необходимую для адекватной критической оценки других словарных текстов, на которые легко было бы вообще не обратить никакого внимания. Впрочем, как убеждает нас обсуждаемый Словарь, дело здесь совсем не только в решении этой «внутренней, если

можно так выразиться, задачи этической энциклопедии. Ибо в данном случае речь фактически идет об одной из первоочередных задач современного философского сознания вообще. О задаче, решение которой в условиях нынешнего постмодернистского «столпотворения» взаимоисключающих видений реальности явно приобретает судьбоносный смысл той самой пресловутой «национальной идеи», каковую мы до сих пор никак не можем «найти». И не можем потому, что каждому из нас, ее взыскующих, она – прежде всего! – предъявляет вполне конкретное нравственное требование: быть человеком, относясь к «другому» так же, как он отнесся бы, оказавшись на его месте, к себе самому.

Честно принять и последовательно продумать это основополагающее требование нравственности, отправляясь от постулатов кантовской «Критики практического разума» и оценивая в их свете как свою индивидуальную, так и нашу общую историческую судьбу, – не означает ли это восхождения к глубинно-философским, если хотите, онтологическим (и в этом смысле метафизическим) основаниям этики, этического сознания вообще? Выявить, артикулировать и укрепить эти основания нравственности, решительно очистив их от разъедающих двусмысленностей и запутывающих «амбивалентностей», – не в этом ли заключается сегодня актуальнейшая задача этики? И то, что самые серьезные из статей энциклопедического Словаря этики так или иначе, прямо или косвенно подводят нас к ее осознанию, – не это ли мы должны причислить к его наиболее важным достижениям? (Хотя, надо признать это, далеко не все тексты Словаря, дотягивают здесь до той «планки», что задается в его лучших редакционных статьях.)

С принципиальной общемировоззренческой установкой, которая явственно чувствуется в важнейших редакторских текстах Словаря, оправдывающих его высокое звание действительно этического (хотя, что также можно отнести к его достоинствам,

- 12 -

она нигде не утверждается чисто декларативно), связано впечатление, на первый взгляд касающееся частного момента, не относящегося к сути дела. Речь идет об очевидном присутствии в Словаре того, чего, казалось бы, вовсе не обязательно было ожидать, а тем более требовать от него (особенно – судя по большинству наших сегодняшних словарей). Я имею в виду нравственно- философскую целостность этого Словаря, каковая не только не отменяется наличием в нем мировоззренчески «инородных» текстов, но скорее акцентирует эту их чужеродность, сообщая партитуре этической энциклопедии «контрапунктический» характер, не только не разрушающий, но, напротив, по- своему подчеркивающий ее общую целостность.

Дело в том, что в каждом конкретном случае энциклопедический «контрапункт» лишь сигнализирует о факте присутствия – в прошлом или настоящем истории этики – реальной проблемы, требующей конструктивного решения. Хотя вовсе не обязательно «здесь-и-теперь» (а, быть может, и вовсе неразрешимой). Принципиальная возможность такого рода «контрапунктической» целостности, заставляющая вспомнить о коллективном творении французских энциклопедистов, далеко не во всем солидарных друг с другом, здесь не исключается. Впрочем, при этом не были бы излишними специальные редакторские комментарии, проясняющие смысл возникающих в таких случаях антиномий (комментарии, каковые, к сожалению, отсутствуют в обсуждаемом энциклопедическом словаре точно так же, как, подчас, и отчетливое осознание самой антиномической ситуации).

Впрочем, по крайней мере отчасти этот недостаток компенсируется в обобщающих редакционных статьях А. А. Гусейнова и Р. Г. Апресяна, а также А. К. Судакова, В. Н. Назарова, В. К. Шохина и других авторов его крупных текстов. В них отчетливо прочерчен целый ряд концептуально значимых линий, обеспечивших единство общей идейной направленности энциклопедии и внутреннюю сопряженность важнейших текстов, образующих ее каркас. Отсюда и общая далеко не формальная, но принципиально-содержательная цельность энциклопедии, в которой не так уж трудно различить мировоззренчески значимое ядро и более или менее плотно прилегающую к нему эмпирическую «периферию». Конечно, эту явственно ощущаемую, внутреннюю, а не внешнюю целостность энциклопедического словаря можно было бы подкрепить

увеличением числа перекрестных ссылок, которыми он явно не так уж и перегружен. Однако и здесь нельзя забывать об аристотелевской мере, каковую все мы, как правило, почитаем теоретически, особенно когда пишем о ней, но тут же забываем, когда приходится учитывать ее жесткие требования на практике.

Во всяком случае очевидно, что Словарь отличается гораздо более далеко идущим единством его принципиально важных текстов, чем многие, очень многие из аналогичных изданий «словарного» типа. Его целостность, внутренняя, а не внешняя, содержательная, а не формально-«отписочная», неоспорима. А спор, возникший в этой аудитории на наших глазах, если имеет какое-то отношение к обсуждаемой книге, то уж, во всяком случае гораздо меньшее, чем к другим аналогичным изданиям, которые у всех нас, так сказать, «на слуху». Хотя сам по себе он, конечно, столь же, интересен, сколь и поучителен, общего стремления углублять и разворачивать его я как-то не ощутил. Но вот предметный разговор о внутренней организации Словаря вокруг каких-то центральных тем, которые уже заявлены в нем, причем весьма серьезно и доказательно, вполне может быть продолжен уже безотносительно к обсуждаемому Словарю, на собственно теоретической «площадке».

Впрочем, его можно считать начавшимся уже раньше, поскольку авторы словаря, как правило, не афишируя это, то и дело сталкивают своего читателя с «коренной» проблемой отношения этики к философии вообще. Одним из весьма выразительных примеров ее позитивного решения, утверждающего изначальное единство того, что впоследствии будут различать как философско-теоретический и «практический» разум, является статья А. А. Гусейнова «Этика», посвященная «основному сочинению» Спинозы. Диаметрально же противоположный подход, в рамках которого «практический разум» не просто отрывается от «теоретического», но абсолютизированный

- 13 -

в качестве нарциссистской «заботы о себе» («техники себя», «этики себя» и т.п.), в общем-то утрачивает право на общезначимость, имманентно присущую этике, представлен в двух статьях С. В. Табачниковой, посвященных Мишелю Фуко.

Вот он и контрапункт, каковой, к сожалению, в данном случае не имеет в энциклопедии ни гармонического, ни теоретического, ни какого бы то ни было иного разрешения. Воинственно нарциссистская фукоистская «этика», вряд ли заслуживающая этого наименования, как и «этика» самого мифологического Нарцисса, развитая самим ее автором до своих крайних, буквально «последних» выводов (что можно, пожалуй, считать единственным несомненным ее достоинством), в конце концов ликвидировала и своего творца, умершего от СПИДа. Чем было лишним раз доказано, что этическая теория вообще, даже когда она неправомерно претендует на титул «нравственной», – штука предельно серьезная. Что она – не маршрутное такси, какое можно остановить в любом месте с расчетом выйти из него в подходящий момент. И что «практический разум» так же онтологичен, как и «теоретический», ибо своими самыми глубокими корнями уходит в их общую – бытийную – подпочву. Так, если хотите «от противного», было очередной раз продемонстрировано, причем вовсе не «чисто умозрительно», судьбоносное единство теоретического и практического «отсеков» моральной философии.

Впрочем, в пользу «судьбоносного» (если подходит здесь это слово) внутреннего единства и органической нерасторжимости «практического» и «теоретического» разума свидетельствует, кроме всего прочего, еще одно, далеко не случайное обстоятельство. В более широком, всемирно-историческом смысле и контексте оно было «тематизировано» крупнейшим социальным мыслителем эпохи «перелома» от XIX столетия к XX Максом Вебером. Согласно его культурно-исторической концепции (которую можно было бы назвать итоговой, если отвлечься от более ранних ее формулировок) и в новые, и в новейшие времена продолжается одна и та же «война богов», в образе которых наши далекие предки персонифицировали противостоящие друг другу ценности, и прежде всего этически окрашенные Истину, Добро и Красоту.

Так вот, эта «война» высших ценностей, то разгорающаяся, то затихающая, подобно гераклитову «Огню», до крайности заостряет проблему единства и целостности этики именно как философской дисциплины, состояние которой отражает нравственное

состояние общества. Единство общества находится в своего рода «избирательном сродстве» с органичностью и целостностью его мировоззренческих, нравственно-философских оснований. Их нарушение на одном уровне рано или поздно – с роковой необходимостью – воспроизводится в расколах и распадах на других уровнях. Причем в одних случаях роковая «линия распада» ведет от высших уровней к низшим, в других – наоборот: от низших к высшим.

Вот тут-то вновь (в какой уж раз!) обнаруживается пророческий смысл и злободневность тютчевского стихотворения, ссылкой на которое я начал свое выступление. Символически-примечательной, хотя далеко не единственной жертвой «хаоса», зашевелившегося под спудом одной из нравственно- философских «бурь», какими был отмечен «исход» второго тысячелетия, оказывались далеко не только западные интеллектуалы масштаба Мишеля Фуко, этого популярного апологета последнего и, надо надеяться, заключительного этапа общеевропейской «сексуальной революции». Гораздо крупнее была фигура Фридриха Ницше, которого никак нельзя обвинить в «сексуальной озабоченности» фукоистского толка. В отличие от своего более позднего подражателя, он пал жертвой не самой «сексуальной революции», но обнажившегося задолго до нее глубинного раскола и разложения нравственно-философского сознания, отдаленными предвестниками которого были коллизии, неоднократно возникавшие в истории этики нового и новейшего времени.

С ними-то и пришлось столкнуться составителям энциклопедического словаря, озабоченным проблемой его концептуальной целостности, причем не только из собственно теоретических соображений «логичности», но также из соображений практи-

- 14 -

ческих – специфически нравственных. То есть из ответственного осознания того, что ограничение пределов концептуальной целостности энциклопедии, чревато, кроме всего прочего, и опасностями расширения сферы влияния «этического антиномизма», с его болезненными «раздвоениями», «растроениями», и иными психическими расстройствами личности современного читателя. Читателя, вовлекаемого нынешними «ловцами душ», вооруженными новейшими техническими достижениями современной цивилизации, в «странный мир» неразрешимых нравственных антиномий, какими изобилует не только архаическая, но и новейшая история этики как системы основополагающих ценностей.

Непреодолимый антагонизм высших этических ценностей, с которым мы сталкиваемся не только на макроуровне современного общественного сознания в целом, но и (как свидетельствует клиническая психиатрия), на микроуровне индивидуально-личностных переживаний, не раз и не два приводил в истории нравственно-философской мысли к душевным заболеваниям, в числе которых болезнь автора «Заратустры» не была ни первой, ни последней. Чем снова и снова доказывалось, что этика – не игрушка, но очень серьезное, а подчас и смертельно опасное предприятие. Не отсюда ли, не от подспудного ли чувства тревоги, связанного с ответственным осознанием этого сурового обстоятельства, та серьезность в обращении с этическими категориями, какую нельзя не почувствовать в текстах наиболее вдумчивых и ответственных авторов энциклопедического словаря?..

Однако, рассуждая об именитых жертвах современной «войны богов», какие у всех нас, что называется, «на слуху», мы далеко не всегда вспоминаем о других, безымянных, жертвах той же непримиримости этических норм, кого гораздо чаще, чем в домах умалишенных, можно встретить разве что в преступных сообществах или в тюрьмах. Вот почему мне так близко и понятно стремление этически чутких составителей и авторов Словаря не оставлять его будущих читателей наедине с неразрешимыми нравственными коллизиями, какие не так уже редки в истории этики. Но – в меру сил – помочь им нащупать свой собственный путь к их ясному, отчетливому, и главное нерелятивистскому осознанию. Что, на мой взгляд, возможно лишь в перспективе целостного, а не фрагментарного, синтезирующего, а не рассудочно абстрагирующего понимания этики и ее истории.

Доброхотов А. Л. (доктор философских наук, зав. кафедрой Истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ). Я сначала изложу мелкие придирки – их можно быстро перечислить – потом сделаю концептуальные замечания. Неплохо

было бы расширить раздел, который излагает этические произведения. Это очень сильная и инструктивная часть словаря. Ведь словарь играет также и немалую педагогическую роль. Для учащегося, несомненно, будет очень полезно встретить в словаре логический каркас произведения, его суть и место в традиции. Это большое достоинство словаря, но тут есть также большие резервы для расширения. Я сразу, например, отметил, что нет «Филеба» Платона. А это ключевое произведение вообще для европейской философии, и для моральной мысли в частности, потому что там рассматривается один из центральных вопросов этики: почему нельзя жить, ориентируясь на наслаждение. Платон вокруг этого развернул всю свою философию почти так же системно, как в «Государстве». Поэтому «Филеб» надо было бы изложить. Мало представлено произведений русской философии, а ведь наша российская философия – сплошная этика. Так, можно было бы, хотя бы коротко, показать этический аспект чаадаевских и хомяковских трудов. Соловьев представлен лишь одной работой, и этого мало. По крайней мере «Право и нравственность» и «Духовные основы жизни» надо было включить обязательно.

Некоторые значимые имена оказались, что называется, в скобках. Рубен Грантович Апресян объяснил мне, что поэтому они и не фигурировали в списке соответствующих ссылок. Но иногда это становится заметным упущением. Я не нашел в словаре Адорно, а это весьма важная фигура в современной этике, да и его лекции по этике недавно изданы по-русски. Вообще франкфуртцы представлены слишком

- 15 -

скупо. Странно, что Ионас лишь мельком упоминается в статье «*Ответственность*». Но его работа «Принцип ответственности» вызвала заметный шум на Западе. (Кстати где-то в тексте он неверно транскрибирован как «Джонас».)

Давыдов Ю. Н. Ну, он, конечно, заслуживал специального изложения.

Доброхотов А. Л. Да, потому что на Западе была интересная полемика вокруг его книги. Так, например, наш общий друг Витторио Хесле считает, что это вообще одна из крупнейших послевоенных работ по этике. Совсем исчез Сведенборг. (Может, я не нашел его?) Но в этической ветви мысли он тоже занял определенное место. Вообще оккультная этика сейчас в моде, и она гораздо сильнее привлекает публику, чем наша с вами академическая философия. Поэтому надо было бы вот так спокойно и объективно посмотреть, каково значение Штайнера, например, который воспитал несколько поколений, что такое его этика, с ее многочисленными практическими выходами в культуру. Но ни теософская, ни антропософская этика здесь как-то не представлены...

Давыдов Ю. Н. И слава Богу!

Доброхотов А. Л. Да чему же тут радоваться? Разве читатель не хочет, чтобы мы ему помогли разобраться в многообразных предложениях на «рынке мысли»? А может быть, допустим, какой-то наш коллега захочет прочитать лекцию об эзотерике и сказать: господа, не занимайтесь этой чепухой. Заглянет он в словарь – а ему тут поддержки не будет, потому что философы брезгливо отстранились от этой темы. Я думаю, что нет, это не «слава Богу». Надо бы здесь вязаться в бой.

Кстати, если говорить о темах: сейчас в связи с «виртуальной реальностью» возникают также и этические проблемы «киберпространства». Некоторые прикладные этики – биоэтика, медицинская этика – хорошо представлены в словаре. А вот этика виртуальных отношений – об этом написано очень мало.

Не нашел я статьи «*Страдание*». Страх, смерть – это ключевые этические темы, и они достойно представлены. Но «*Страдание*» должно было быть обобщающей статьей. Исчез из поля зрения гностицизм. А ведь это, в общем-то, традиция этическая. Это – одна из подземных рек европейской философии. В XIX – XX вв. гностицизм вылезал в самых неожиданных формах. Наш немецкий коллега П. Козловски считает, что и марксизм – это форма гностицизма. И Гегеля он в гностики записал. Что не очень-то, правда, корректно. Но эту тему, во всяком случае, не оторвешь от духовной истории Европы.

В Востоке я не разбираюсь, но рискну заметить, что принцип недеяния заслуживал бы отдельной статьи. Молодежи очень нравится этот принцип. Мне периодически им приходится объяснять, что это недеяние – очень активный способ жизни, а вовсе не какая-то расслабленность. Может быть, впрочем, я в словаре чего-то недоглядел. Хотя я дня три читал словарь не отрываясь: я вообще люблю гипертексты, они так затягивают,

ссылки заставляют совершать неожиданные путешествия от одного текста к другому. Но за эти три дня я не нашел такой статьи, где в целом история этических учений излагалась бы системно. Это тоже в принципе – определенный сюжет. Не знаю, как на Востоке, но в Европе – это сложившаяся фабула со своими интеллектуальными приключениями. Можно было дать статью «*История этических учений*».

Не помешал бы общий указатель, то есть алфавитный список всех статей. Может быть, читателю он не слишком нужен, но, когда ведешь аналитическую работу со словарем, это нужно. Был бы не лишним и список терминов. Этика ведь очень часто выражена в чеканных формулировках, императивах, мотто. Список терминов мог бы нести значительную информационную нагрузку. Например, в статье Р. Г. Апресяна о совести встречаются понятия «сюнэйдесис» и «синдересис». Но в принципе было бы неплохо читателю объяснить, что это одно и то же, «синдересис» это просто ошибка переписчика, после которой вся средневековая философия использует эту форму как термин. Список терминов, содержащий просто языковые оригиналы ключевых

- 16 -

терминов и выражений, был бы весьма полезен. Греческие, латинские высказывания и термины. «Адиафора» по-гречески написать – это полезно, потому что словарь ведь подарок и для студентов в большой степени. Даже «категорический императив» по-немецки не грех написать, может кому-то пригодиться.

Как я уже говорил, русская традиция, – не только православная, но вообще история русской философии, – представлена все-таки скуповато. Словарь ведь, несомненно, будет международным событием. Наши иностранные коллеги, чтобы познакомиться с историей русской этики, будут заглядывать в этот словарь, а не в Британику или Лярусс, полагая, что мы свою историю изложили более обстоятельно. Она здесь представлена пропорционально правильно, но мы имеем моральное право этот материал дать шире.

Что касается имен, то, мне кажется, стратегически правильное решение – делать словарь без имен. Это создает свой стиль, настраивает на аналитическое системное мышление, потому что имена в словаре «расслабляют»; кажется, что можно что-то понять через биографию. А понять на самом деле тут мало что можно. Аскетизм в отношении имен сразу четко определил жанр выстраивания внутренней логики этической мысли. Мне это как раз понравилось, да и много уже есть словарей без имен, это вполне принятая форма.

Что касается термина «энциклопедия», то изначально ведь энциклопедия не означала всеобъемлющий алфавитный словарь. Раньше это значило «система знаний». И Гегель в этом смысле называет свой труд энциклопедией. А вот у французов уже получилось двусмысленно. Они-то энциклопедией называли – просвещенческой энциклопедией в старом смысле слова – систему знаний, но получилось как раз нечто типа Большой Советской Энциклопедии. С тех пор уже энциклопедией называют именно жанр всеохватывающего словаря. Но здесь авторы вполне имели право назвать этот словарь именно энциклопедическим, потому что он дает систему знаний, то есть в старом академическом смысле слова это именно «энциклопедия этики», так же, как «энциклопедией права» называли свои системные труды юристы в XIX в. Что, по-моему, совсем неплохо.

Это все – детали. А что касается концептуального отношения к этому труду – несомненно, это большая удача и большое событие. Здесь отмечалось, что у этого словаря есть цельность. Она задана тем, что авторов сравнительно немного, они, видимо, тщательно подобраны, и похоже, что творчество не было пущено на самотек, потому что чувствуется редакторская рука.

В этом смысле четырехтомная философская энциклопедия (а она, конечно, тоже может быть признана удачной) – менее ровная. Ну и это понятно, она же все охватывает. И авторов там не держали в узде; там каждый, в общем, работал в своем стиле. Но есть в этом и минус, конечно. В таком случае может получиться более рыхлая система. А здесь все работают в одной парадигме, хотя я бы не сказал, что все авторы – единомышленники. И неплохо, что процентов, наверное, тридцать, написали три-четыре автора: это дает, конечно, логическое и стилистическое единство. Ключевые работы написаны редакторами, – А. А. Гусейновым и Р. Г. Апресяном, – это статьи высочайшего

профессионального уровня. (Говорю не для того, чтобы сказать приятное. Я читал достаточно придирчиво.) Это задает планку, и другие авторы к этому подтягиваются. Назову некоторые имена (перечисление заведомо неполное). Прекрасным профессионалом показал себя А. К. Судаков. Глубоки статьи А. П. Скрипника, И. В. Борисовой, Е. В. Петровской, Т. А. Кузьминой. Античный цикл я специально просмотрел с особым вниманием, но и здесь у меня претензий нет. Работы А. А. Столярова совершенно безупречны. Качественны статьи М. Солоповой, Н. В. Брагинской, А. Г. Гаджикурбанова. Отменно сделаны работы В. К. Шохина, он много и хорошо написал. Статьи, на мой взгляд, даже методологически очень грамотны, потому что Восток ведь подавать можно по-разному, и тут нужна своя концепция подачи. Большую философскую энциклопедию Восток даже немножко задавил. Статьи очень качественные, интересные, но они слишком детализованные,

- 17 -

особенно по индийской философии. Европа там не так детализована, как Восток. А здесь Шохину, по-моему, удалось вписаться в канон издания. Главное, как мне представляется, – и это прозвучало в статье «*Этика*» А. А. Гусейнова – у словаря есть некий лейтмотив, который заключается в том, что этика – часть философии. И мне кажется, что ныне это совсем не тривиальная вещь. Сейчас, действительно, произошел какой-то распад единства европейского самосознания, этику с большим удовольствием вырвали с территории философии и растворили ее в прикладных прагматических темах. Здесь, возможно, свою дурную роль сыграла англосаксонская традиция. Многие современные книги по этике – бескрылый прагматизм. Когда я писал для детей о философии, я смотрел то, что на Западе издают по этике для детей: мне было интересно, как это они делают. Англоязычные книжки дают много прикладных упражнений. Может, это неплохо, но создается впечатление, что мораль в принципе можно изучать ситуативно – решать конфликты, встраиваться в готовую систему правил. Но ведь в целом европейская традиция не такая: она считает, что этика это все-таки знание высшего долга. Более того, над этим долгом, как предполагалось, стоят какие-то еще более высокие ценности, связанные или с откровением, или, может быть, с личностью. Чтобы эту тенденцию скорректировать, уравновесить, нужно, конечно, осознавать этику как часть философии в европейском смысле слова. Мне кажется этот лейтмотив очень важен. И важен еще и вот почему: если употреблять термин, который «нам подбросил» Т. Кун, и рассматривать историю культуры как смену некоторых парадигм, то очевидно, что в каждой эпохе были какие-то общие парадигмы, матрицы для всех знаний; в средние века эту роль играла религия, в новое время – наука. Очевидно, сейчас идет смена парадигм. Я бы осмелился предположить, что в очередном будущем цикле (лет через триста или сколько там отпущено нынешней эпохе) деяния культуры будут основаны на этико-правовой матрице.

Давыдов Ю. Н. Безусловно, безусловно...

Доброхотов А. Л. Здесь есть над чем подумать, и Словарь как раз дает замечательный материал для этих размышлений. Я нашел там хорошие статьи по праву, сделанные именно в нужном, этическом ключе. Статьи «*Мораль*», «*Этика*» дают хорошие дистинкции, правильно разводят понятия. Вот это, пожалуй, самое главное в Словаре: по сути выясняется, что есть такое особое измерение, может быть даже – онтологическое, где существует..., как бы это назвать? – слово «ценность» мне бы не очень хотелось употреблять... существует мир, в котором происходит становление и человека, и окружающей его культуры не по законам физики, не по законам мышления, не по законам традиции, а по законам постулирования неких моральных принципов. Из Словаря, я считаю, можно сделать вывод, что на этой основе и должно строить мир, цивилизацию, эпоху. А предыдущая эпоха с ее сциентистской парадигмой сделала этику неким десертом после чего-то главного, как бы говоря, что совсем неплохо еще и украсить жизнь хорошим поведением, добрыми эмоциями. В этом смысле я даже рискну сказать, что Словарь может оказаться одной из исторически значимых книг, которые зададут новую сетку мышления, новый канон.

Замечу, что здесь важную роль сыграла редакторско-методологическая установка. Именно потому, что научные редакторы взяли на себя фундаментальную ответственность

– задать стиль и канон мышления – Словарь и получился таким цельным. Это могло бы стать минусом, авторы могли бы оказаться более авторитарными и, допустим, задавать более жесткую схему. Тогда бы был провал. Но здесь все удачно, в меру. Мне понравилась именно такая жанровая версия Словаря.

Огурцов А. П. Я полностью согласен в высокой общей оценке Словаря по этике, которую здесь высказали все выступившие до меня. Действительно, в нем четко обозначен круг знаний по этике и состав ее фундаментальных категорий. Данный Словарь успешно выполняет ту функцию, которую призван осуществлять любой энциклопедический словарь. Выделены основные проблемы, фундаментальные этические категории не только европейской, но и восточной этической мысли –

- 18 -

индийской, арабской, древнекитайской, описаны наиболее значимые произведения по этике. Об этом уже говорили выступавшие до меня. Я бы особенно выделил три статьи о произведениях (может быть, потому, что мне они были неизвестны) – «*Homo viator*» Г. Марсея (Г. М. Тавризян), «*Заметки о морали*» Симоны де Бовуар и «*Начала этики*» Ж. Набера (О. И. Мочульской). То, что описаны наиболее значительные работы по этике, прежде всего философов XX в., мне представляется весьма ценным.

Движение, которое произошло в этике XX в., связано, по-моему, с тремя линиями: 1) формированием ряда профессиональных этик; 2) созданием аксиологии и различными попытками аксиологического обоснования этики; 3) созданием метаэтики. Остановимся более подробно на том, как освещены эти линии в Словаре по этике.

В Словаре широко представлен целый ряд содержательных статей, посвященных прикладной этике, или профессиональным этикам: инженерной этике, биоэтике, биомедицинской этике, этике науки др. Интересна статья об отношении к животным. Хотя можно высказать пожелание расширить состав такого рода статей, включив статьи по педагогической этике, о правах детей, о профессиональной этике журналистов и пр.

Цикл статей об аксиологии, написанный В. К. Шохиним, высокопрофессиональный и весьма содержательный. Возникает вопрос, в чем заключается различие между аксиологическими обоснованиями морали и права. Здесь уже Л. Н. Митрохин говорил о том, что мораль и право – две формы регуляции и поведения, и социальной жизни. Действительно, это не две формы общественного сознания, как у нас обычно полагали, а две разные формы регуляции социального поведения и социальной жизни. В статьях Словаря удачно различаются мораль, нравственность и нравы. Однако в чем различие аксиологических оснований морали и права из текстов уловить трудно. Приведу один абзац из статьи «*Право*» (В. С. Нерсесянца; замечу, что он совпадает со статьей в «*Новой философской энциклопедии*»): «Согласно либертарной концепции, ценность действующего (позитивного) права и реально наличного (фактического, эмпирического) государства определяются по единому основанию и критерию, а именно с позиций правовых ценностей (права как ценности). Право при этом выступает не как неформализованный (формально-фактический) носитель моральных (или смешанных морально-правовых) ценностей, что характерно для естественно-правового подхода, а как строго определенная форма именно правовых ценностей, как специфическая форма правового должествования, отличная от всех других (моральных, религиозных и т.д.) форм должествования и ценностных форм» (с. 381). Я лично продирался через эту форму и до сих пор ее не понимаю. Либертарно-юридическое понимание права в противовес естественно-правовому подходу исходит из ценностного смысла права, отождествляемого с должествованием равенства, свободы и справедливости. Но ведь должествование этих ценностей составляет смысл и морали. Без них невозможно существование морали. В таком утверждении нет пока различения аксиологического обоснования морали и права. Можно было бы отметить и то, что нередко мораль строилась и мыслилась по образцу нормативного права (в связи с чем и возникли споры относительно кодификации морали и различные попытки построения моральных кодексов). Кроме того, я думаю, что формы должествования в праве существенно

зависят и от типа правовых систем (прецедентного права и нормативного права), что не может не найти своего отображения и в трактовке морали.

Прекрасно, что в Словаре есть статья «Права человека» (Е. А. Лукашевой). Но определение прав человека: «нормативная форма упорядочения взаимоотношений между гражданами, отношения власти к гражданам» (с. 375) ставит на приоритетное место отношения власти к гражданам, а не наоборот. Иными словами, в центре – юридический подход, хотя дальнейшее содержание статьи вполне конкретное и имеющее самое непосредственное отношение к правам именно человека.

Еще одно достижение этики XX в. связано с поворотом к аналитике языков различных этик, к тому, что называется метаэтикой. В Словаре есть цикл статей,

- 19 -

написанных Л. В. Максимовым, – «Метаэтика», «Натуралистическая ошибка», «Прескриптивизм», «Язык морали», «Моральное суждение» и др. Иными словами, аналитическая этика достаточно хорошо представлена. Этот цикл статей достаточно добротный, хотя есть ряд повторов в текстах статей. Отмечу ряд пунктов, которые отсутствуют в этом цикле: 1) следовало бы хотя бы упомянуть о возникновении модальной логики, которая столь важна для анализа речевых высказываний в этике; 2) онтология в модальной логике иная – это мир возможных смыслов, что задает совершенно иную перспективу для обсуждения этических коллизий; 3) анализ лингвистических выражений во всей их полноте имеет существенное значение для этики – речь идет не только о речевых высказываниях, но и о речевых актах в широком смысле слова, о дискурсе (на с. 595 упоминается об этике дискурса, но остается не ясным, что же имеется в виду – то ли этика коммуникации, то ли этическое повествование как сверхфразовые структуры целостного характера, далекие от пропозиции); 4) метаэтика обращается к анализу не просто единичных предложений, а семантических полей, в которых выражены этические ценности и оценки. Это структуры совершенно иного рода, чем атомарные логические предложения. Семантические поля выражены в специфических семантических единицах – концептах, которые амбивалентны по своему смыслу. Концепты стали предметом изучения не только у французских постмодернистов (Ж. Делеза и др.), но и у ряда отечественных и зарубежных лингвистов (Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, А. Вежбицкой). Лингвисты выполняют работу за философов и логиков. Тем более, что отечественные лингвисты выпустили недавно книгу о языке этики. Итак, если говорить в целом о цикле статей по метаэтике, то мне кажется, что здесь сделан первый и значительный шаг вперед к анализу языков этики. Этика, развиваемая в русле аналитической философии, слабо представлена в отечественной литературе и имеет широкие перспективы, особенно в связи с развитием различных логик – от модальной до логики оценок.

Еще одно замечание общего характера. Оно касается интерпретации христианства вообще и христианской этики в частности. Достоинством Словаря является то, что выделены поднаправления внутри христианской этики. Поэтому есть статьи о францисканстве, доминиканстве (М. А. Корзо), где отмечены особенности их этических доктрин. Есть статья об иезуитах (того же автора), но она почему-то выпадает из этого ряда, посвящена иезуитизму и не сказано ничего об иезуитском пробабиллизме – концепции, которая связана с исчислением вероятностей и которая была развита иезуитами. Эта концепция оказала влияние не только на возникновение теории вероятностей, но и на создание т.н. моральной статистики – исчисления смертности, убийств, самоубийств и т.д. Однако мое замечание общего характера относится к другому – к оценке отношения христианства к предшествующей античной философии. Мне представляется, что во всей оценке христианства и в нашей, и в зарубежной историко-философской литературе чувствуется то, что можно назвать *платонизацией христианства*. Приведу несколько примеров из разных статей словаря по этике. В статье «Этика» (с. 575) говорится: «в отличие от средневековой ориентации на платоновско-аристотелевский круг идей» и т.д. На этой же странице чуть ранее говорится об «интеграции этики языческой древности в структуру христианских ценностей». В статье «Бессмертие души» (И. Н. Михеевой) проводится мысль, что средневековая философия рассматривает бессмертие души как конечную цель стремлений человека и высочайшее

благо. В противовес этой позиции хочу напомнить слова Г. Флоровского о том, что «христиане, будучи христианами, не должны верить философским теориям бессмертия. Они должны верить во всеобщее Воскресение»¹. Можно утверждать, что мифологема бессмертия души – платонистская, мифологема всеобщего Воскресения и личного спасения - мифологема христианства.

¹ Флоровский Г. Догмат и история. М., 1998. С. 254.

В статье «Благо» (В. В. Библихина) говорится: «Христианское богословие ассимилирует платоновскую философию блага, которое становится высшим атрибутом божества» (с. 42). Причем «переосмысление» блага рассматривается как выдвигание идеи единства, т.е. «завершенной цельности в смысле цели, к которой тянется все». При такой трактовке «ассимиляция», по-моему, оказывается лишь платонизацией христианства. В статье «Ценности» (В. К. Шохина), весьма фундированной и содержательной, также проводится мысль о том, что схоластическая философия развивала «онтологию блага», иерархическую субординацию благ, оставив закрытым внутренний мир личности и конституирующих его ценностей. Спорным является тезис о схоластической онтологии блага и тем более спорным мне представляется тезис о том, что внутренний мир личности остался закрытым для схоластов. Именно христианство связано с открытием внутреннего мира личности и отнюдь не платоновско-аристотелевское наследие заставляет схоластов строить онтологию блага, а онтоотеология.

Во всех названных мною статьях выражена единая позиция – рассмотрение христианства и средневековой философии под углом античного наследия, в плане продолжения и ассимиляции платоновско-аристотелевской традиции. Но при таком подходе исчезает своеобразие христианства, его парадоксальность относительно традиций античной мысли, инновационный характер мировоззрения христианства и средневековой философии. Если говорить о бессмертии, то христианство не говорит о бессмертии души, а о Воскресении. Если говорить об учении о благе, то христианство строит не онтологию блага, а эсхатологию спасения, рассматривая из этой перспективы и иерархию благ. Христианство осуществило кардинальный переворот в мысли и в мироощущении, который при этой платонизации христианства стирается, умалется, элиминируется. Эта платонизация христианства характерна не только для ряда статей словаря по этике, но и для многих зарубежных интерпретаторов христианства и средневековой мысли.

Вместе с тем не следует впадать и в модернизацию христианства и средневековой философии, приписывать им то, что им не было присуще. Так, в статье «О граде Божием» (А. Г. Гаджикурбанова) говорится о волюнтаривно-психологической трактовке моральных начал у Августина. По- моему, это гораздо более поздняя по времени трактовка, которая предполагает не только развитую психологию как дисциплину, но и превращение ее в способ обоснования этики. Отмечу и крайне резкое заявление о том, что «последующие [после Фомы Аквинского] средневековые авторы не внесли уже ничего нового в сложившуюся проблематику свободы воли» (с. 426). На с. 429 другой, правда, автор утверждает обратное: «отсутствие тотальной зависимости... позволяет вернуться к средневековому скотизму (позиции Дунса Скота), к отстаиванию неснимаемого значения произвола». Оказывается, позиция Дунса Скота значима не в меньшей мере, чем томизм для обсуждения проблем свободы воли, и для онтологии ценностей, особенно Н. Гартмана. Здесь явная нестыковка авторских позиций в одной статье. Но, во всяком случае, столь резкие оценки, что-де средневековые схоласты после Фомы Аквинского не внесли ничего нового в обсуждение проблем свободы воли, мне не представляются убедительными.

Мне кажется сомнительной и полемика с понятием общечеловеческих ценностей (с. 10). Дело не в том, что «за идеей так называемой общечеловеческой ценности стоит непосредственно известная философия человека» (не ясно, какая?), а в том, что она-де приводит к плюрализму, где «понятие о должном» заменяется понятием «приличного» и «принятого», т.е. к конформистскому приятию наличных ценностей. По-моему, из

допущения общечеловеческих ценностей отнюдь не вытекают ни конформизм, ни такого рода метаморфозы с понятием «должное». В статье «*Духовность*» (И. Н. Михеевой) утверждается, что в современной западной философии «духовность как онтологическое свойство человека не рассматривается в своей конкретности» (с. 132). В такого рода оценках нельзя не увидеть негативистский оттенок. Как раз наоборот. После Кьеркегора в западной философии духовность стала пониматься

- 21 -

в своей конкретности, в своем единстве различных экзистенциальных свойств – от страха до любви. И в этом заключается основная линия экзистенциальной философии. И хотя в статье приводятся имена М. Шелера и К. Ясперса с их критикой абстрактных представлений о человеке, однако эта критика началась задолго до начала XX в.

Несколько мелких замечаний. Я понимаю, что библиография являлась делом каждого автора. Но все же некоторые общие нормы значимы и здесь. Так, в статье «*Эннеады*» Плотина (А. Г. Гаджикурбанова) следовало бы указать русские переводы отдельных глав. В статье «*Агапэ*» (Р. Г. Апресяна) проводится мысль о том, что лишь в 30-е годы XX в. философы обратились к различению между «агапэ» и «эросом». Между тем работа русского физика Н. А. Умова посвящена именно этой категории античной этики и опубликована она еще в начале XX в. в III томе его собрания сочинений. В статье «*Благоговение перед жизнью*» (А. А. Гусейнова) целесообразно было бы указать на критику этой идеи А. Швейцера со стороны русского биолога Д. П. Филатова.

В заключение еще раз хочу сказать, что опыт издания Словаря по этике удался. Мы имеем серьезное и солидное издание, которое позволяет очертить круг знаний, составляющих учение об этике. Выявлены и описаны наиболее фундаментальные направления с их этическими категориями. Раскрыты универсальные этические категории и их спецификация в этических доктринах. Наконец, впервые обстоятельно разобраны различные типы морального самосознания – от восточных культур до христианства. Мне также представляется, что было вполне разумно не включать в словарь персоналии. Круг персоналий по этике обозначен в именном указателе. Из него вполне ясно, кто входит в то сообщество этиков, с которым идентифицирует себя авторский коллектив.

Разин В. А. (доктор философских наук, кафедра этики философского факультета МГУ). Я тоже присоединяюсь к общему мнению, что это фундаментальное издание. Очень большая заслуга принадлежит редакторам в смысле цельности этого издания. Хорошо то, что не очень много авторов, потому что когда не очень много авторов, то материал лучше распределяется. Хорошо, в частности, распределен материал в статьях, посвященных восточному циклу – китайской, мусульманской, индийской философии. Если бы было много авторов, то был бы какой-то ненужный дублиаж, не выдержаны были бы понятия в смысле строгого разграничения материала. Все это оставляет очень хорошее впечатление, я имею в виду такое строгое разграничение понятий и распределение материала. В то же время сохраняется основной жанр, необходимый для словаря, то есть информация. Авторская позиция, хотя и присутствует, но она присутствует ненавязчиво, большинство статей дают полное представление о терминах, которые предлагаются читателю. Я, конечно, начал изучение с основополагающих статей, «*Этика*» и «*Мораль*». Там предложено оригинальное изложение, в том смысле, что хорошо продемонстрировано, что была разная этика и была разная мораль, разводятся эти понятия достаточно удачно, хотя в действительности развести их очень сложно. Если есть разная этика, возникает всегда вопрос: что за чем следует? Следует ли мораль за этикой, или же наоборот, этика следует за моралью? Мне кажется, что этот момент можно было несколько больше развить, потому что он один из самых сложных для теоретического понимания самого феномена морали. Но тем не менее я считаю, что это очень качественные статьи, которые написаны в совершенно новом ключе, они дают хорошее освещение проблемы, так как она представлена на сегодняшний день в имеющихся теоретических подходах. И другие статьи тоже, конечно, можно отметить. С удовольствием я прочитал, например, «*Утилитаризм*» (Р. Г. Апресяна), текст сжатый, но очень содержательный, так что все основные теоретические положения, отвечающие концепции утилитаризма, там выделены. Много и других хороших статей.

Что же касается каких-то недостатков, то, конечно, трудно было в таком издании избежать отдельных противоречий, которые были продемонстрированы в преды-

- 22 -

дущем выступлении. И трудно, видимо, было избежать некоторых упущений или даже промахов, допустим, в смысле выбора отдельных произведений. Я считаю, что обязательно нужно было включить книгу А. Макинтайра. Это один из центров современных этических дискуссий, и вообще она прозвучала как бомба в самой американской философии, потому что вся господствующая философия там антиисторическая, а у Макинтайра, наоборот, идея исторического понимания морали, что сразу же вызвало огромные дискуссии. Нужна была статья, посвященная этой книге. Возможно, нужны были статьи, посвященные произведениям других современных американских авторов. Ну, например, книге М. Насбаум «Ненадежность добра» (M. Nussbaum «Fragility of Goodness»). Эта работа вызвала широкие дискуссии, получила большой общественный резонанс. Были организованы конференции, специально посвященные этой книге и ее автору. То же можно сказать о К. Байере. Его книги «Рациональность и моральный порядок» (K. Baier «The Rational and Moral Order»), «Моральная точка зрения» (K. Baier «The Moral Point of View») в США также была посвящена специальная конференция. Можно выбрать и какие-то другие персоналии, которые дадут более полное представление именно о современном состоянии этики. Тут уже упоминался Апель. Я думаю, конечно, это ошибка, что нет ни одной статьи, посвященной работам Апеля. О нем есть лишь упоминание в одной из статей Словаря, тогда как, скажем, работе Хабермаса посвящена специальная статья. А ведь именно Апель перевел идеи Ч. Пирса на европейскую почву, обратил внимание на содержащийся в них дискурсивный момент. Многие понятия, относящиеся к дискурсивной этике, которые далее были использованы Хабермасом, есть в работах Апеля. Так что было бы очень хорошо иметь несколько статей, посвященных его творчеству.

Еще можно несколько слов сказать просто в плане рекомендаций. Если все-таки это издание рассматривается как энциклопедическое и, возможно, как учебное, то в нем хотелось бы видеть какие-то параллели между различными подходами, допустим, между мусульманской этикой и христианской этикой. Потому что статьи, в основном, написаны так, как будто они вырваны из исторического контекста и совершенно автономны. Есть, допустим, мистицизм. А чем, скажем, отличается протестантский мистицизм от мусульманского, чем отличается протестантский мистицизм от мистической традиции восточной церкви? Иногда встречаются такие сопоставления, но их очень мало. А их стоило хотя бы упомянуть.

Я, например, заинтересовался сам вопросом: присутствуют ли как-то в мусульманской этике традиционные христианские добродетели – вера, надежда, любовь? И честно прочитал в Словаре все, абсолютно все по мусульманской этике, но не нашел ответа и даже какого-то приближения к ответу на этот вопрос. А было бы очень интересно узнать, как употребляются такие термины в исламе, если не употребляются, то – почему? В цикле статей, посвященных мусульманской этике, ответов на подобные вопросы нет, хотя сами статьи все написаны очень профессионально, специфические понятия мусульманской этики в них раскрываются. Понятно, что в словаре обеспечить это непросто. Может быть, стоило бы сделать какие-то отдельные обобщающие статьи. Потому что проблемы все равно возникают. Здесь говорилось об интерпретации Августина – одни считают, что его подход чисто онтологический, другие – что психологический. В общем-то решения окончательного нет. И в этом смысле обвинение, что есть противоречия в самом Словаре, не вполне правомерно, потому что нет однозначной интерпретации. Отсюда могут быть противоречия между разными статьями. В целом же надо сказать, что этот Словарь будет настольной книгой каждого этика в будущем. Может быть, будет второе издание, новый тираж, тогда можно будет внести отдельные коррективы.

Насчет спорных вопросов, которые здесь возникали, в частности о персоналиях. Я думаю, что как раз это очень интересно, что выбран такой новый жанр изложения через произведения, а не через персоналии. Есть ведь другие словари, в конце концов, если кто-

то хочет узнать, когда родился Кант, можно обратиться к многочисленной литературе. И если составлять энциклопедический словарь по этике, то зачем дубли-

- 23 -

ровать то, что уже есть? А вот именно показать основные работы очень важно, потому что, конечно, мы живем в условиях бума информации, не можем прочитать всех работ. Краткое изложение отдельных произведений, которые имеют непосредственное отношение к этике, в этом смысле весьма полезно, и это большое подспорье даже для научной работы. Таким образом, можно очень положительно оценить итог этого многолетнего труда: и итог труда редакторов данного словаря, и заслуги его авторов.

Логунова Л. Б. (кандидат философских наук, Институт государственного управления МГУ). Работа, которую мы сегодня обсуждаем, появилась очень своевременно. Экономический и политический кризисы в нашей стране сопровождаются кризисом фундаментальных ценностных ориентации, что, естественно, вызывает обостренный интерес к этической проблематике. Многие исследователи именно в сфере морали пытаются найти причины неудачи реформ, проводимых в нашей стране. Поэтому Словарь как энциклопедическое издание будет, безусловно, интересен и профессионально работающим в области этики ученым, и широкому кругу читателей. Авторам и редакторам Словаря удалось избежать двух крайностей, двух опасностей: академической замкнутости и публицистичности. При всем многообразии словарной тематики, авторских позиций Словарь не оставляет впечатления чисто справочного издания. Напротив, основополагающие статьи «Мораль», «Этика», «Добро», «Духовность», «Благо», представляющие ключевое содержание этической проблематики, придают Словарю цельность монографического исследования, позволяют оценить значимость этической проблематики в современном мировоззрении. В современном обществе фундаментальной мотивацией должны стать нравственные ценности, иначе это общество без реальной перспективы. Издание Словаря заставляет задуматься над тем, что основой, архетипом социальности является мораль и соответственно выработать к этому определенное отношение. Нравственный релятивизм, этический скептицизм – инструменты разрушения самого фундамента общества. И это разрушение нравственных основ невозможно компенсировать никаким прогрессом в области политики и права. В этом плане само издание Словаря становится «оправданием морали», утверждением абсолютности нравственных императивов в современной плюралистической картине мира. Решение этой проблемы, на мой взгляд, и является своеобразной «сверхзадачей» данного издания. В решении этой задачи проявились лучшие качества отечественной этической науки: интеллектуальная честность и выражение определенной гражданской позиции.

Характерной особенностью Словаря является широта рассматриваемой тематики и глубина проведенного анализа. В статьях Словаря достаточно объемно представлены история этики и современный уровень разработки нравственной проблематики отечественными и зарубежными учеными. Единым замыслом объединены статьи информативно-справочного характера, проблемно-тематические и исследовательские, новаторские работы. Многие статьи являются оригинальными научными исследованиями, открытиями, представляющими новые области современной этики. Это прежде всего статьи по прикладной этике: экологическая этика, политическая этика, профессиональная этика. Статьи этого цикла не только обнаруживают глубинную связь развивающейся этической науки с динамической социальной практикой, но и заставляют по-новому взглянуть на многие традиционные теоретические проблемы морали. Это прежде всего проблема сопряженности абсолютных нравственных ценностей с ситуативными нравственными «технологиями». Каков нравственный статус корпоративной этики? Существует ли особая мораль ученого, инженера, врача, педагога, юриста, предпринимателя? Идти ли по пути создания специализированных «моральных кодексов»? Или сосредоточиться на воспитании нравственных потребностей личности, развитии моральной интуиции, без которых и вне которых невозможно реальное функционирование морали? Эти непростые вопросы не ограничиваются сферой этического, а затрагивают весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, с обществом и с природой.

Словарь, безусловно, является профессиональным достижением, подведением определенных итогов и обозначением новых перспективных направлений этических исследований. В этом качестве он найдет своих заинтересованных читателей, прежде всего в вузовской аудитории, заполняя пробелы в системе гуманитарного образования. Гуманитарное образование должно быть принципиально перестроено, нужно не просто включать «Этику» в качестве специальной дисциплины в вузе или в школе, этикоцентрированным должно стать образование как таковое, и среднее, и высшее. «Этический подход» должен стать методологией образования и воспитания. В этом плане Словарь незаменим в качестве справочного и учебного пособия, как средства самообразования.

Авторами и редакторами Словаря проделан огромный, напряженный труд, заслуживающий высокой оценки благодарного читателя.

Кобзев А. И. Я выступаю последним: адекватно тому, какое место в Словаре получил предмет моей специализации – китайская философия. В целом постараюсь ограничиться обсуждением его нормальных параметров, потому что, во-первых, с общесодержательной точки зрения эта книга – нужная и своевременная, а во-вторых, если начать углубляться в конкретную проблематику, то никакого регламента не хватит.

Предварительно не могу также не выразить своего восхищения услышанным здесь рассуждением о том, что появление подобных книг должно стать ответным ударом на наступление аморализма в нашем обществе. По-моему, если не ударом, то хотя бы тормозом тут может быть только подобная платоническая вера в то, что словари способны поднять уровень общественной нравственности. Боюсь, правда, что эта вера не распространяется за стены дома, в котором проходит данное обсуждение.

Митрохин Л. Н. Ну автоматов-то у нас нету – приходится прибегать к книгам, как орудиям влияния...

Кобзев А. И. Если в нашей поэтике перо приравнивалось к штыку, то и в этике авторучка может быть приравнена к автомату. Однако вернемся к профессиональным орудиям философов – определениям. Обсуждаемый Словарь самими авторами назван энциклопедическим, и этот термин следует понимать в прямом, а не каком-либо ином, в том числе, как тут предлагал А. Л. Доброхотов, этимологическом смысле. В противном случае мы могли бы, не ведая стыда, начать называть друг друга идиотами в благородном древнегреческом смысле (когда «идиотия» означала частную жизнь). Так что, по определению, энциклопедический словарь «Этика» должен охватывать всю информацию по своей дисциплине, или, даже в этимологическом смысле, весь «круг» соответствующих знаний. Поэтому исключение из него персоналий, т.е. этических «кадров, которые решают все», нуждается, по крайней мере, в специальном обосновании и разъяснении, а не в применении фигуры умолчания в издательском предуведомлении.

Я готов поверить, что составители пошли на подобную вивисекцию из каких-то веских соображений, но очень хотелось бы их видеть оговоренными в тексте. Тем более, что смущает нерациональность частого расщепления в Словаре одной персоналии на несколько статей. Например, почему бы вместо четырех статей: «*В чем моя вера*», «*Религия и нравственность*», «*Закон насилия и закон любви*», «*Толстовство*» не иметь одну – «*Толстой Л. Н.*», отражающую ту же самую информацию без общих мест, изложенных в других справочниках? Ведь все-таки во всех смыслах первичен сам Толстой, а не его произведения и последователи. Кстати сказать, статья «*Толстовство*» на 95% посвящена самому основателю этого учения, по сути дела и так являясь персоналией. А предназначенные быть особо выделенными произведения Толстого легко обозначить разными способами, принятыми в словарной практике.

К более неприятным последствиям элиминация человеческого фактора привела в китайском разделе, где при отсутствии очень многих достойных имен появилась неудобопроизносимая статья «*Янгизм*». Помимо того, что под этим псевдонимом просто-напросто скрыт философ Ян Чжу, само слово «янгизм» является граммати-

чески неправильной калькой с латинизированной транскрипции его имени (если уж вводить подобный неологизм, то в форме «янъизм» или «янчжуизм»).

В целом, касаясь синологической тематики, позволю себе еще раз не согласиться с глубоко уважаемым мною А. Л. Доброхотовым, заметившим, что таковая, как и вообще ориенталистика, слишком уж заполонила страницы этого издания и его «старшего брата» – одновременно вышедшего четырехтомника «Новая философская энциклопедия». Здесь уместно вспомнить, что кашу маслом не испортишь. В этой области до последнего времени царила такая нищета, что, например, в весьма объемной, пятитомной «Философской энциклопедии» (1960 – 1970) для пересчета статей о категориях китайской философии хватило бы пальцев одной руки. Поскольку же для справочного знакомства с западной философской, и в частности этической, традицией существует множество разнообразных источников, чего нельзя сказать о восточных традициях, последним, как всякого рода меньшинствам, следует предоставлять все разумные преференции и прерогативы. В конце концов, если вдруг из-за этого уменьшится сказанное об Аристотеле, Спинозе или Канте, не беда, поскольку все можно компенсировать, обратившись к альтернативной словарно-энциклопедической и специальной литературе, которой вполне хватает. С восточным материалом дело обстоит совершенно иначе.

Но давайте пойдем дальше этой субъективной ситуации малоизученности предмета и потому особой ценности любых сведений о нем. С объективной точки зрения автохтонная китайская философия возникла синхронно западной и развивалась, в отличие от нее, непрерывно и поступательно. К тому же, как известно, китайцы – народ чрезвычайно трудолюбивый, благодаря чему и в этой области сделали немало в течение более чем двух с половиной тысяч лет. Уже эти элементарные данные свидетельствуют о несравненном богатстве их духовного наследия.

А если специально говорить об этике, то внимание к этому наследию должно быть усилено сугубо, поскольку из всех главных философских традиций в мире, упомянутый здесь этикоцентризм сполна присущ только китайской. В нормативной для нас западной философии уже на начальном этапе развития произошло принципиальное разграничение этики с физикой и математикой, а китайская философия всегда оставалась тотально этизированной и этизирующей универсум. Поэтому, в частности, современные китайские постнеоконфуцианцы считают ее высшим достижением и наиболее характерной отличительной чертой создание «моральной метафизики» (*даодэ ды синэршансюэ*).

Но каковы же количественные параметры реально опубликованного? Сравнение того, что у нас обычно (равно как и в Словаре) считается одного поля ягодами, т.е. китайского раздела Словаря с индийским, показывает, что последний вдвое больше первого: 46 статей против 25 (кстати, в Тематическом рубрикаторе статей, в подразделе Китайская этика, на с. 610 пропущены обозначения двух статей «Народное сердце» и «Легизм», а последняя отсутствует также в разделе «Направления и школы философско-этической мысли» на с. 611). Подобный дисбаланс в силу вышеизложенного представляется совершенно неверным. Нормальным не только в плане преодоления архаического европоцентризма или следования современной политкорректности, но и по существу дела было бы даже предоставление синологии или, по крайней мере, возглавленной ею ориенталистике, до половины всей печатной площади Словаря, ибо Восток ничуть не меньше Запада. Однако составители, вроде бы расщедрившиеся на одну треть статей для «индийской, китайской и арабо-мусульманской этической традиции», как это заявлено в предисловии, в действительности ограничились лишь одной пятой частью общего количества.

Очевидная даже на фоне заявленного проекта скудость китайского материала обусловлена, по-видимому, прежде всего тем, что весь он был отдан на откуп одному автору.

Митрохин Л. Н. А кто писал?

Кобзев А. И. Г. А. Ткаченко. Здесь я сразу прошу меня правильно понять, так как приходится вступать в зону морального напряжения. Безвременно почивший в 2000 г. Г. А. Ткаченко был в высшей степени достойным человеком и прекрасным ученым. Мои претензии не к нему, сделавшему все то, что он мог сделать.

Проблема в другом: специфика востоковедения и в особенности синологии состоит в том, что тут нет энциклопедистов, поскольку предмет настолько труден, что серьезному специалисту, как правило, на всю жизнь хватает занятий одним письменным источником. Между прочим именно так обстояло дело и с самим Г. А. Ткаченко, который даже не успел дожить до опубликования в 2001 г. детально исследованного им единственного трактата «Люйши чунь цю» («Весны и осени господина Люя»).

Поэтому совершенно ясно, что надо было привлекать и других авторов, тем более что все возможности имелись и вся информация наличествовала, ибо был уже издан в 1994 г. фундаментальный энциклопедический словарь «Китайская философия», а параллельно здесь же, в ИФРАН, шло издание «Новой философской энциклопедии», в которой, как было замечено выше, китайских статей вполне достаточно и присутствует авторское разнообразие. Ведь некоторые статьи дублировались в обоих изданиях, например, упоминавшаяся превосходная статья В. В. Бибикина «*Благо*». Можно было бы оправдать подобный изоляционизм выработкой особого этического словника китайской философии, но таковой создан не был (единственная оригинальная статья – «*Дан*»), да и в принципе невозможен по причине ее общей этизированнойности.

В итоге словник китайского раздела получился не только неполным, но и хаотичным. Принципы его построения туманны. Во-первых в совершенно равноценных случаях одни термины переводятся, а другие передаются в транскрипции, например, категории: «*Благородный муж*» (а не Цзюнь- цзы) и «*Народное сердце*» (а не Минь синь), но «*Вэнь*», «*Гун*» и т.д.; школы «*Легизм*» (а не Фа цзя), «*Конфуцианство*» (а не Жу цзя) и «*Неоконфуцианство*» (а не Ли сюэ или Дао сюэ), но «*Фо цзяо*» (а не Буддизм).

Во-вторых, в некоторых статьях присутствует, но в большинстве отсутствует библиография.

В-третьих, практически никак не отражена этическая мысль эпох Мин, Цин и XX в., т.е. более чем последнего полутысячелетия. Особого сожаления заслуживает отсутствие информации о современных тенденциях в китайской этической мысли, бурно развивающейся за пределами КНР и вступившей в чрезвычайно плодотворный диалог с западной философией.

В-четвертых, из китайской этической литературы, которая количественно превосходит любую другую в мире, а может быть и всю мировую в целом, представлен один трактат «*И цзин*», да и тот отнюдь не самый репрезентативный в этом смысле. Просто поражает сопоставление: есть специальная статья о книге О. Г. Дробницкого «*Понятие морали*», но нет статей о «*Лунь юе*» и «*Дао дэ цзине*», всемирно известных трактатах, сравниваемых с Библией, переведившихся на другие языки сотни раз и исследованных в тысячах изданий.

Еще одно техническое замечание. В китайском языке мало фонем и соответственно много омонимов, которые легко различимы в иероглифике, но не в транскрипции. Поэтому, в частности, возникли две статьи «*Ли*». Весьма значительное умножение этих сущностей в самих статьях вынудило автора все время оговариваться, что, скажем, это «*и*» – не то «*и*», о котором шла речь выше, а таких «*и*» в данном тексте минимум четыре. Это и неудобно, и неэкономично, и стилистически коряво. Между тем простейшее решение данной проблемы давно найдено и было реализовано, например, в словаре «*Китайская философия*». Оно состоит в использовании различительных цифровых индексов при омонимичных терминах: и₁, и₂ и т.д.

К сожалению, все эти недостатки не компенсированы в обобщающей статье «*Китайская этика*», в которой достаточно компетентно изложены лишь исторические, мифологические, идейные предпосылки формирования этической мысли, но не более

того. Собственно общей картины развития этой традиции там нет. Честно говоря, бессмысленно было бы требовать большего от автора, бывшего профессиональным филологом, а не философом. Все им написанное хорошо, но это лишь отдельные штрихи, не складывающиеся в цельный образ. Можно, конечно, вообще усомниться в достижимости такового и продолжать удовлетворяться имеющимся под рукой. Но мне кажется, уважаемым составителям, совершившим большое дело, все-таки стоило бы

предпринять такую попытку и попристальнее заглянуть за Китайскую стену с помощью опытных проводников.

Гусейнов А. А. Это, конечно, вина редакторов, а не Григория Александровича Ткаченко, потому что он много и долго отказывался от того, чтобы брать на себя ответственность за весь раздел китайской этики. Вы в этом смысле абсолютно правы, когда замечания адресуете не Григорию Александровичу, а редакторам. Что касается статьи о китайской этике, то спорить с таким признанным специалистом, как А. И. Кобзев, не приходится. Нас она привлекла тем, что в ней есть то, что не всегда мы можем найти в наших философских исследованиях по китайской философии, а именно ответ на вопрос: какова была та нравственная реальность, если хотите, моральная парадигма, которая предшествовала китайской этике и которая стала предметом ее размышлений. То есть то, что называется этико-культурологической основой этики. Мы видели, что в статье очень мало говорится о собственно философских этических школах. Но там есть неожиданный взгляд, согласно которому все философские школы в своей основе были схожи, были последователями конфуцианской модели. А собственно философские разногласия имели академический смысл, но не имели выхода в этико- культурную реальность.

Я очень благодарен за анализ и критические замечания. Для нас это очень полезное обсуждение. Оно показывает также правильность нашей установки: быть внимательными к этическим суждениям специалистов, на которых нет официального штампа их принадлежности к этическому цеху и которые не являются дипломированными профессорами этики. Эти суждения иногда бывают глубже, чем то, что мы слышим на внутрицеховых обсуждениях. Это между прочим можно счесть косвенным свидетельством того, что и этика в общем складывалась, развивалась и до сих пор развивается в смысле теоретического содержания и в смысле практической социальной заостренности как философская дисциплина. У нее нет других оснований научной строгости кроме философской техники, нет иной и даже эмпирической основы, чем та, которую мы находим в истории философии. Именно в своей философской заданности этика занимает определенное место в культуре. Характер обсуждения, та глубина анализа и точность замечаний, которые здесь прозвучали, об этом свидетельствуют.